

— ...Вот как, значит. Вот так ты всё это видишь. Очень хорошо, Фельдграу, — голос арх-инквизитора, и без того мягкий, стал ещё тише — наполнился интонацией, с которой говорят с детьми. — Замечательно. Сердце, способное защищать, должно исходить из любви. Каким бы ни был результат, всё пережитое тобой станет твоей силой. Дракон Света благословит тебя.

Фельдграу слегка нахмурился, выражая лёгкое бессилие.

Арх-инквизитор тихо рассмеялся:

— И Близнецы Диссонанса тоже.

Фельдграу предпочёл промолчать.

Он не стал упоминать, кто именно находился сейчас в его кабинете — лишь сказал, что уставший подчинённый отдыхает там после ночного дежурства. Почему арх-инквизитор вдруг произнёс такую странную, длинную речь, оставалось загадкой: Фельдграу ведь никак не выдавал своих чувств.

Его личные эмоции не успели дойти до той стадии, чтобы о них можно было говорить вслух. Он ещё не признавался в своих чувствах тому, кто стал предметом его привязанности, и не желал, чтобы кто-то другой узнал об этом раньше самого Линя. Это было бы неуважением.

Пока Линь не соберёт деньги на лечение семьи, он вряд ли станет думать о романтических отношениях — Фельдграу не хотел увеличивать его груз.

«Ничего, всё должно идти своим чередом. Пока что достаточно того, что мы можем быть рядом — в работе и в короткие минуты между делом».

Фельдграу имел бесконечно много времени, чтобы наблюдать за ним.

Служители, отмеченные благословением богов, не умирали естественной смертью — как арх-инквизитор, проживший уже девять столетий и всё ещё продолжающий борьбу с тёмными богами и их культурами, пока кто-то не убьёт его.

Будущее Фельдграу было таким же. И поэтому, куда бы ни вели его эмоции, он хотел, чтобы Линь прежде всего чувствовал себя спокойно и защищённо.

— Но, знаешь, удача в любви — это всегда неудача в службе. Очень мудрая старая пословица. Не расслабляйся, — голос арх-инквизитора снова стал строгим, как подобает начальнику. — Ты ведь докладывал, что с коммуникационной системой Шпиневилля что-то не так. Есть продвижения?

Фельдграу тут же собрался.

— Мой коммуникатор был уничтожен, а отряд Песнелета Алауды — обнаружен Яворой Бенгаль сразу после связи. Мы провели внутреннюю проверку, но никаких следов не нашли. Сейчас подозреваем внешнее воздействие. Кстати, арх-инквизитор, слышали ли вы о новом алхимическом устройстве, появившемся на чёрном рынке Пещеры Тёмного Моря? По слухам, оно способно разрушать коммуникаторы и обрывать магические линии связи в определённом радиусе. Если такое устройство действительно существует, наверняка можно создать и противоположное — для отслеживания исходящих сигналов. Я уже направил официальный запрос в ассоциацию алхимиков о возможности создания подобных артефактов, но ответа пока нет.

— Вот как? — протянул арх-инквизитор, не спрашивая, когда именно был отправлен запрос. — Долго же возятся алхимики. Я потороплю их.

Это, возможно, выглядело как давление властью, но сам арх-инквизитор любил говорить, что тем самым лишь требует уважения к старшим.

Фельдграу, давно привыкший к подобной манере, ничего не ответил и продолжил:

— Ритуал по поиску осколка не удался. Я думал, стоит ли повторить его этой ночью...

— Нет, не стоит. Если не нашли с первого раза, во второй результата тоже не будет, — сказал арх-инквизитор. — Лучше сосредоточься на другом: Шпиневилю должен быть приведён в состояние повышенной готовности.

Фельдграу невольно поднял взгляд. Прошлой ночью они фактически устроили зачистку половины города, уничтожив десятки демонов, а после смерти Яворы Бенгаль культ Искращения остался без лидера и должен был затихнуть. Центральное отделение Инквизиции сохраняло внутренний режим локдауна, но скорее из осторожности — чтобы не допустить нового «дела Листчеса».

«И вот теперь — снова усиление обороны?»

— Дева Серебряной Луны собирается вмешаться лично? — уточнил он.

— Это — самое близкое за последние девятьсот лет её приближение к «Раковине». Она точно знает, что артефакт находится в центральном отделении Инквизиции Шпиневиля, и, возможно, даже в каком именно помещении. В твоём сне ты видел её, верно? Ты должен был слышать её нетерпеливый голос. Ха-ха, для неё, конечно, невезение столкнуться там именно с тобой... Но не недооцени её. Никогда не недооценивай богов.

Фельдграу погрузился в размышления, а арх-инквизитор продолжал:

— Сейчас её взгляд направлен на Шпинеவில். Если это продлится достаточно долго, она непременно найдёт возможность ударить. Боги видят то, чего мы не способны даже осознать. Раз осколок не найден, остаётся одно — перенести саму «Раковину». Пока я не прибуду лично, Фельдграу, наблюдай за Шпиневилем.

— buydu, fha-a-a-a-a... Oput, bux-x-xsy... S-s-s-s-s-s-s-sta-a-a!..

Листчес Азари очнулся, выкрикивая бессвязные звуки.

Хотя «очнулся» — не совсем точное слово. Он ведь так и не мог заснуть.

Сейчас он находился в ярко освещённой камере очищения в тюрьме пятого сектора. Допросчики прошили его верхние веки толстой нитью из синтетического волокна, притянув кожу вверх, — теперь он не мог закрыть глаза ни на миг.

Свет прожектора нещадно жёг слизистую. Жар превращал кровь в кипятки. Его слёзные железы высохли — смазка глаз исчезла.

Он не спал — просто время от времени терял сознание от боли и жажды.

Но даже когда он отключался, допрос не прекращался.

— Что такое, продолжай, — произнёс инспектор внутреннего надзора.

Лампочка над его головой сияла ярче, чем стены, потолок и пол вместе взятые, но Листчес не мог отвести взгляд — кровеплотяной целитель изменил его глаза, лишив их способности двигаться.

— Ты только что сказал, что каждый день использовал запечатывающий ритуал, чтобы обработать собственную память... И вот наконец дождался того дня, когда на тебя наложили контрзащиту Безмолвия, — повторил инспектор внутреннего надзора. — Из-за этого контрзащиты ты не смог снять собственный печатный барьер и забыл, что выбрасывал куриные кости в клумбу у двери дома. Ну а потом что? Как ты вышел на связь с культом Искажения? Расскажи-ка всё подряд.

При этих словах зрачки Листчеса Азари резко сузились, и инспектор довольно отметил, как связанный с его сердцем рубин после короткой паузы вновь вспыхнул быстрыми, учащёнными всполохами.

— Похоже, ты гордишься тем, что держался целых десять лет, да, бывший директор Листчес? — насмешливо проговорил он, медленно перелистывая блокнот, словно смакуя записанные в нём результаты допроса, продолжавшегося, пока старый лисолод терял сознание. — Ты ведь сам только что мне повторял: «Десять лет я держался, десять лет ждал, десять лет трудился»... Серьёзно, Листчес, десять лет — и всё ради чего? Потратил бы ты хоть малую часть этого усердия на то, чтобы изменить свои вредные привычки как ритуалист — может, уже стал бы служителем среднего ранга и снова обрёл бы молодость.

Ядовитая насмешка инспектора заставила зрачки бывшего директора задрожать. Инспектор хотел было развить успех, но решил пока не добивать допросом до смерти и на время замолк.

Стоило ему затихнуть, как притупившиеся чувства Листчеса ослабли ещё сильнее: взгляд стал мутным, пустым.

И вновь слышались бессмысленные, неразборчивые звуки — словно бормотание, без слов и смысла, убаюкивающее сознание.

Лампочка над головой инспектора покачивалась перед глазами Листчеса — покачивалась, покачивалась — в такт приглушённому шуму, напоминающему прибор.

Ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Бессвязное бормотание изменилось. Это был не просто звук. Это были волны? Или листья, шелестящие на ветру?

Прохладное дуновение окутало его, лаская измученное тело и дух. Всё вокруг словно потемнело. Он... покинул комнату очищения? Жар растворился, а ослепительная лампа перед глазами обернулась шаром, излучающим мягкий серебристый свет, поверхность которого была испещрена тёмными пятнами — луна, глядящая на него издалека.

Ш-ш-ш-ш...

Это был прибор.

Нет, это был шелест листьев.

Листчес видел такое лишь однажды — огромные деревья, ветви которых качались на ветру, — завораживающее зрелище.

Он вспомнил, как всего несколько дней назад наблюдал кровавое жертвоприношение последователей Девы Серебряной Луны. Но теперь почему-то не мог вспомнить лиц принесённых в жертву — перед мысленным взором стояли только листья и серебристые блики, играющие между ними.

Серебряное сияние нисходило с высоты, освещая траву и кроны, и теперь — его самого.

— Она благоволит тебе, — произнёс кто-то.

Перед ним, выйдя из серебристого света, предстала Явора Бенгаль — давно умершая, с той же соблазнительной, изнурённо-сладкой улыбкой, что и прежде.

Она повторила слова, сказанные во время их первой тайной встречи. Её руки вытянулись, превратились в лозы и обвили его дряблую шею. Горячие капли скользнули по кадыку старого лисолюда, когти провели по выпуклости горла.

— Не бойся, — прошептала она, горячим дыханием касаясь его кожи, — Она... Нет, она непременно благословит тебя, Листчес Азари...

— !

Линь проснулся.

Неизвестно почему, ему приснился липкий, жаркий сон. Он не помнил подробностей, но тело пылало, словно от болезни или стыда. Видимо, это из-за переутомления — за последние дни он и глаз свой приносил в жертву, и терпел боль осколка, и дежурил без сна. Сон вышел странным, тягостным, и Линь проснулся, не досмотрев его.

Пару мгновений он лежал, не соображая, где находится, пока разум постепенно не прояснился.

Несмотря на то что ритуалист спал долго, сил почти не прибавилось. Может, дело в том, что он так и не помылся после выхода из комнаты очищения — одежда пропиталась потом, липла к телу от соли.

Виски пульсировали, а вместе с ними и осколок в левом глазу. Линь машинально прижал ладонь к лицу, но ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это вовсе не его койка дома и не кровать в комнате отдыха ритуального подразделения.

«Это... диван в кабинете верховного инквизитора!»

Он вздрогнул, вскочил, огляделся — и тут же услышал окрик:

— Что за паника? — Ловветро Гордон, сидевший за письменным столом, глянул на него с раздражением. — Спокойно, верховного инквизитора тут нет.

— А как же не паниковать? — выдохнул Линь с облегчением. — Вдруг я во сне ляпнул что-нибудь плохое?

— Что?! — всполошился золотистоволосый пёсолуд. — Ты что, способен сказать что-нибудь неподобающее в адрес верховного инквизитора?!

— Конечно нет, — зевнул Линь. — А вот о тебе могу. Мне приснилось, будто ты опять не начислил мне доплату за ночное дежурство.

— ...Сколько раз повторять: иди в бухгалтерию! — раздражённо рявкнул секретарь Ловветро.

После короткой перепалки Линь наконец расслабился. И всё же, несмотря на лёгкий юмор, в глубине души оставалось чувство тревоги.

«Наверное, просто хочется принять душ», — решил он, поблагодарил секретаря за заботу и съел завтрак, который, по его словам, оставил для него Фельдграу.

Пирожок из крахмала и варёное яйцо уже успели остыть.

Значит, утро давно прошло.

«Плохо».

Хоть ему и не разрешалось покидать здание Инквизиции, он всё же просил коллег передавать новости маленькому Пятнуле, что обычно ждал его возле шахты лифта по утрам. Сегодня он, выходит, пропустил встречу. А ведь Пятнуля после школы шёл домой к Параибе, помогать по хозяйству...

Если бы только можно было подключить телефон в их доме! Но скупой домовладелец ни за что не согласится платить за него.

Позабыв, что сегодня суббота и занятий нет, Линь, попрощавшись с секретарём, поспешил во второй сектор.

Он уже находился в трамвае, когда одна мысль ударила его, словно ток.

Дева Серебряной Луны называла себя повелительницей снов, но, похоже, это лишь самоназвание. После гибели Мелодии Раковины сила сновидений оставалась ничьей.

«И всё же... В некотором роде она тоже могла повелевать снами».

А именно — эротическими снами.

— ...

Трамвай продолжал ехать. Линь внезапно ощутил странное предчувствие. Он опустил взгляд — и увидел, как стальные рельсы под вагоном превращаются в извивающиеся корни.

Следующий миг — и беспилотный трамвай сорвался с пути и со всего размаху врезался в стену дома.

<http://bllate.org/book/12612/1119985>